

Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке

Часть 1

Шумилов М. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

В российских СМИ превалирует негативная тональность высказываний о пантюркизме и политике Турции на постсоветском пространстве, в частности, в регионе Центральной Азии. Действительно, пантюркизм является сильным фактором формирующейся государственности новых независимых государств региона. Вместе с тем, и это важно подчеркнуть, не единственным и далеко не определяющим. Его влияние проявилось главным образом в первой половине 1990-х годов. Все авторы отмечают роль Турции на начальном этапе суверенизации стран этого региона. Затем, прежде всего, по причине нехватки ресурсов ее влияние в Центральной Азии стало убывать. В регионе появились новые игроки, представлявшие интересы стран Запада и КНР. Российское экономическое, военное и политическое влияние тоже становилось все более устойчивым и весомым. Попытки Турции в XXI в. добиться новых успехов в продвижении своих интересов на основе ценностей тюркизма не привели к ожидаемым результатам. Экономические и военно-политические конкуренты продолжали опережать ее, и их успехи побуждали Анкару вносить изменения в курс проводимой политики. Она становилась все более реалистичной и прагматичной. По целому ряду причин в рамках первого десятилетия нового века турецкие верхи несколько охладели к пантюркизму. Одновременно элиты стран ЦА вошли во вкус государственного национализма и, культивируя собственные ценности, подчеркивали свой суверенитет и право на многовекторность внешней политики. Преодолевая зависимость от Москвы, они также демонстрировали свое нежелание следовать в фарватере интересов Анкары. В условиях деглобализации и фрагментации планетарного экономического пространства после мирового кризиса 2008–2009 гг. пантюркизм вновь становится важным фактором суверенного позиционирования тюркоязычных республик Центральной Азии. Вместе с тем он перестал выступать инструментом турецкой экспансии и сегодня представляет собой новое явление — «коллективный пантюркизм», свидетельствующий об общей заинтересованности и солидарных устремлениях своих участников. России, Китаю и другим внерегиональным акторам в дальнейшем придется считаться с этим обстоятельством.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) / Тюркский совет, пантюркизм, Турция, тюркоязычные государства, Центральная Азия

Для цитирования: Шумилов М. М. Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке (Часть 1) // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 36–53.

The Influence of Pan-Turkism on the Political Identity Formation of the Turkic States of Central Asia in the XXI Century (Part 1)

Mikhail M. Shumilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; mshumilov@mail.ru

ABSTRACT

The negative tone of statements about pan-Turkism and Turkey's policy in the post-Soviet space in the Central Asian region prevails in the Russian media. Indeed, pan-Turkism is a strong factor in the emerging statehood of the newly independent states of the region. At the same time, and it is important to emphasize this, it is not the only and far from defining one. His influence manifested itself mainly in the first half of the 1990s. All the authors note the role of Turkey at the initial stage of the sovereignty of the countries of this region. Then, first, due to lack of resources, its influence in Central Asia began to wane. New players appeared in the region, representing the interests of Western countries and China. Russian economic, military, and political influence also became more stable and weightier. Turkey's attempts in the XXI century to achieve new successes in promoting its interests based on the values of Turkism did not lead to the expected results. Economic and military-political competitors continued to outpace it, and their successes encouraged Ankara to make measurements during its policy. She became more and more realistic and pragmatic. For a few reasons, during the first decade of the new century, the Turkish upper classes somewhat cooled down to pan-Turkism. At the same time, the elites of the Central Asian countries got a taste of state nationalism and, cultivating their own values, emphasized their sovereignty and the right to a multi-vector foreign policy. Overcoming their dependence on Moscow, they also demonstrated their unwillingness to follow in the wake of Ankara's interests. In the conditions of De-globalization and fragmentation that began after the global crisis of 2008–2009 pan-Turkism is once again becoming an important factor in the sovereign positioning of the Turkic-speaking republics of Central Asia. At the same time, it has ceased to act as an instrument of Turkish expansion and today represents a new phenomenon — “collective pan-Turkism”, which testifies to the common interest and solidarity aspirations of its participants. Russia, China and other non-regional actors will have to reckon with this circumstance in the future.

Keywords: The Eurasian Economic Union (EAEU), The Cooperation Council of Turkic-Speaking States (Turkic Council), Pan-Turkism, Turkey, Turkic States, Central Asia

For citing: Shumilov M. M. The Influence of Pan-Turkism on the Political Identity Formation of the Turkic States of Central Asia in the XXI Century (P. 1) // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 36–53.

В начале 2021 г. турецкий государственный телеканал TRT1 представил модель расширения сферы геополитического влияния Анкары, подготовленную ранее американской компанией Stratfor. Согласно ей, к середине XXI в. турецкое влияние распространится на Грузию, Армению, Азербайджан, Грецию, самопровозглашенные республики Донбасса, а также на ряд территорий Казахстана, Узбекистана и Туркмении; в зоне турецкого геополитического влияния также окажутся Крым, Кубань, Калмыкия, Астраханская область и республики Северного Кавказа.

Данный прогноз вызвал эмоциональное обсуждение в российских СМИ. Так, заведующий кафедрой истории, права и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС Ф. М. Кулиев высказал озабоченность претензией Турецкой Республики (ТР) на роль лидера в сообществе тюркоязычных стран на основе возрожденной геополитической доктрины «нового османизма» и, что важнее, идеологии и практики пантюркизма¹. Напротив, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН А. В. Малашенко справедливо увидел в провокации образчик неразборчивой пропаганды: «Для турок это символ, что Турция великая держава, и великая она потому, что это 200 миллионов турок. И есть еще одно очень хитрое обстоятельство: у турок и Эрдогана — может, не так ярко, как 2–3 года назад — есть эти идеи паносманизма, что они когда-то были империей. И когда они глядят

¹ Турция интегрирует националистические устремления в свою политику — эксперт // EurAsiaDaily. 2021. 19 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/02/19/turciya-integriruet-nacionalisticheskie-ustremleniya-v-svoyu-politiku-ekspert> (дата обращения: 26.02.2022).

на Крым, Европу и Ближний Восток, вспоминают, что когда-то это было единое государство. Это чем-то напоминает наши разглагольствования о том, что мы наследники Советского Союза»¹.

Если в «паносманизме» видна пародия на былую мощь Османской империи, то с «пантюркизмом» — устойчивым направлением во внешней политике Турции, представляющим собой идейно-политическое течение, основанное на идее объединения тюркских народов под эгидой Турции и создания государства Великий Туран — дело обстоит сложнее. Его возрождение произошло в 1990-е гг. в результате сосредоточения геополитических устремлений Турции на постсоветских тюркских республиках [19, с. 19; 16, с. 3, 27; 8, с. 20; 21, с. 59–61].

Суть пантюркизма, по словам А. В. Малашенко, «состоит в том, что Турция выглядит как великая держава в качестве лидера тюркского мира. Основное внимание она сосредотачивает на Центральной Азии. Что касается государств, где турки составляют меньшинство, там активность Турции больше символическая. Это имеет место в Европе, в России, и в Крыму»². При этом, резонно полагает тюрколог В. А. Аватков, и турецкое правительство, и турецкие СМИ стремятся укрепить международные позиции своей страны «как центра, с одной стороны, исламского, с другой — тюркского мира»³. Развивая такой подход, политолог П. Э. Акопов отмечает продвижение Турцией своих интересов «в разных пропорциях (в зависимости от обстоятельств и времени)» путем смешивания пантюркизма, неоосманизма и панисламизма, то есть игры «на национальном, имперском и религиозном факторах»⁴.

Соглашаясь с правомерностью подобных суждений, все же отметим особую устойчивость и последовательность Турции в реализации идеологии пантюркизма, поскольку именно он в сравнении с неоосманизмом и панисламизмом действительно представляет для российской стороны проблему. Во-первых, пантюркизм все еще оказывает влияние на внешнеполитический курс ТР. Во-вторых, он по-прежнему является важной составляющей этнокультурной, или национальной идентичности новых независимых государств Центральной Азии (ЦА). В-третьих, историческое прошлое, общие культурные и религиозные ценности и сегодня выступают мощным фактором продолжающегося сближения тюркских государств и народов. В-четвертых, пантюркизм все время эволюционирует, и наши представления о нем требуют постоянной ревизии и коррекции. В-пятых, соотношение сил участников региональной политики продолжает изменяться. В-шестых, под влиянием многочисленных факторов происходят изменения в их внешней политике и политике безопасности. Следовательно, необходима выработка адекватного образа, как самого «пантюркизма», так и понимания его способности влиять на состояние безопасности России и ее союзников по Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), процессы евразийской интеграции, а также на формирование идентичности новых независимых государств на постсоветском пространстве.

¹ Гагарин Г. Имперская ностальгия. В России разгромили «прогноз влияния» Турции // Национальная служба новостей. 2021. 12 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://nsn.fm/in-the-world/vostokoved-otsenil-prognoz-vliyaniya-turtsii-v-rossii> (дата обращения: 26.02.2022). Население Турции — свыше 83.6 млн чел. (2020).

² Гагарин Г. Имперская ностальгия. В России разгромили «прогноз влияния» Турции.

³ Россия совершила в Карабахе невозможное, Турция хотела большего — интервью // EurAsiaDaily. 2021. 18 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/02/18/rossiya-sovershila-v-karabahe-nevozmozhnoe-turciya-hotela-bolshego-intervyu> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Акопов П. Зачем Путин и Эрдоган нужны друг другу // РИА Новости. 2021. 30 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210930/putin-1752409723.html> (дата обращения: 26.02.2022).

Напомним, что после распада СССР страны ЦА оказались в сфере геополитической конкуренции России, Китая, США и ЕС, а также таких центров притяжения в мусульманском мире, как Иран, Саудовская Аравия и Турция. Начиная с 1991 г., Анкара развернула геополитическое наступление в ЦА и на Южном Кавказе, целью которого было создание институциональных основ «глобальной тюркской интеграции». На том основании, что турки, казахи, узбеки, киргизы, туркмены и другие — суть отдельные ветви большой турецкой этнической семьи, она стремилась объединить под своим началом в ЦА «братские» тюркоязычные страны — бывшие советские республики (Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Туркмению) — на основе общей истории, культуры и национальных ценностей. В частности, Турция 16 декабря 1991 г. первой признала независимость Республики Узбекистан (РУ) и открыла в Ташкенте посольство¹. По словам корреспондента «Московского Комсомольца» Михаила Ростовцева, «в знак своей „братской любви“ Турция подарила всем послам стран ЦА по резиденции в Анкаре. Она также проявляла интерес к российским тюркоязычным субъектам, налаживала с ними связи под флагом «культурного обмена»².

Для всех стран ЦА Турция оказалась авторитетным политическим партнером-союзником. Одновременно она демонстрировала намерение стать их главным экономическим партнером. При этом наиболее активно и успешно взаимодействие тюркоязычных стран протекало в сфере культурного и языкового сотрудничества, где Турция продвигала идеи культурной близости и этнолингвистической идентичности, форсировала переход с кириллицы на латиницу, стремилась утвердить себя в качестве главного центра культурного и политического притяжения. По ее инициативе, ученые тюркских стран разработали общий для всех алфавит на основе латиницы³.

В 1991 г. в Казани была учреждена Ассамблея тюркских народов (АТН), в 1992 г. в Алма-Ате — Объединенная администрация тюркских искусств и языков⁴, а в 1993 г. в Анкаре — Международная организация тюркской культуры (TURKSOY), призванная обеспечить сотрудничество между тюркскими народами в интересах сохранения, развития и передачи будущим поколениям общих материальных и культурных памятников тюркских народов. В 1992 г. в Анкаре появилось Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA). Являясь подразделением департамента вице-президента страны, TİKA отвечает за организацию Турцией официальной помощи развивающимся странам с особым акцентом на тюркские страны и общины [23, с. 113, 118; 3, с. 137]. С 1992 г. результативным инструментом турецкой «мягкой силы» в регионе является телеканал TRT Avrasya.

Посредством сообщества Фетхуллы Гюлена, известного как «фетхуллаци», в структуру которого по-прежнему входит множество различных фондов, компаний, образовательных учреждений, печатных изданий, Турция направила своих эмиссаров — носителей умеренного исламизма и пантюркизма в бывшие советские республики. В новых школах они преподавали английский и турецкий языки, точные науки, а также догматы ислама [3, с. 140]. По сути, отмечает Геннадий Грановский из «Военно-

¹ Турецкие инвестиции в Узбекистан превысили 1 млрд долларов // Газета.uz. 2021. 30 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2012/10/30/tr/> (дата обращения: 26.02.2022).

² Ростовцев М. «Крым — это Турция»: зачем Эрдоган атакует Россию // Московский комсомолец. 2020. 17 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/10/17/krym-eto-turciya-zachem-erdogan-atakuet-rossiyu.html> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Тенчурин А. Эрдоган взялся за проект «Великий Туран» // MPSH.RU. 2020. 3 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://mpsh.ru/27265-jerdogan-vzjalsja-za-proekt-velikij-turan.html> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Исмагамбетов Т. Россия, Турция и тюркоязычный мир: тренды 2015–2016 гг. // CAAN. 2016. 17 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://caa-network.org/archives/7465> (дата обращения: 26.02.2022).

го обозрения», «то была „мягкая сила“ Турции, распространяющей свое влияние в соседний с ней регион» [17, с. 4–5]¹.

В конечном счете, после 1991 г. Турция добилась несомненных успехов в продвижении идей пантюркизма на постсоветском пространстве и реорганизации последнего по своим правилам. С 1992 до 2010 г. под ее эгидой проводились саммиты глав тюркоязычных стран (саммиты государств тюркских языков), где согласовывались и решались вопросы, представлявшие взаимный интерес. На девятой встрече², проходившей в Нахичевани (Азербайджан), 3 октября 2009 г. был образован Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ, Тюркский совет) со штаб-квартирой в Стамбуле. Изначально в состав организации входили Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Турция.

Характеризуя региональную политику Турции в 1991–1994 гг., доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Московского госуниверситета П. В. Шлыков отмечал сочетание в ней элементов пантюркизма, с присущим ему зарядом экспансионизма, и тюркизма, который «выглядел более мягкой и мирной идеологией, ориентирующейся прежде всего на духовное и культурное единство тюрков и тюркского мира» [21, с. 61, 71, 72]. Многие турецкие исследователи, отрицая пантюркистскую направленность политики своей страны, квалифицировали ее как «выражение региональных притязаний и амбиций в сфере экономики, политики и культуры» [21, с. 61].

К середине 1990-х годов евразийский вектор внешней политики Турции изменился. В связи с этим П. В. Шлыков обоснованно утверждал, что в силу проявившейся ограниченности потенциала турецкого влияния на регион ЦА произошло «смещение акцентов в сторону экономики и энергетики — превращение турецкого евразийства в геозкономический концепт»; в политике Турции стал превалировать прагматизм, который также проявился в ее стремлении к сближению с Россией. После визита председателя Правительства РФ В. С. Черномырдина в Турцию в 1997 г. позитивное развитие двусторонних отношений приобрело инерцию и продолжилось в XXI в. Одновременно снижался накал геополитической конкуренции РФ и ТР в ЦА [21, с. 62–64, 66, 71, 72; 5, с. 21–25].

Фактически это мнение разделяет узбекский политолог Кудратилла Рафиков, по словам которого, «где-то с середины 1990-х годов, Анкара пришла к пониманию, что она не сможет стать ключевым игроком в ЦА». Ей пришлось «учитывать позиции держав, имеющих здесь давние интересы. Так, в Анкаре заметили, что в регионе в политическом и военном плане давно доминирует Россия, а в финансовом и торгово-экономическом — активно наращивает свое влияние соседний Китай, не говоря уже о присутствии США и Евросоюза, для соперничества с которыми в региональном масштабе у нее просто не хватит сил... именно на этом видении базируется нынешняя тактика турецкой стороны, которая по отношению к региону применяет сравнительно взвешенный, прагматичный и конструктивный подход»³.

¹ Образовательная империя Фетхуллага Гулена // KAZANALYTICS. Аналитический портал Ближний Восток и Центральная Азия. 2016. 19 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://kazanalytics.kz/образовательная-империя-фетхуллага/> (дата обращения: 26.02.2022).; Грановский Г. Братство по этнониму. На саммите в Баку Тюркский совет пополнился Узбекистаном // Военное обозрение. 2019. 21 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/163735-bratstvo-ro-jetnonimu-na-sammite-v-baku-tjurkskij-совет-popolnija-uzbekistanom.html> (дата обращения: 26.02.2022).

² Всего было проведено 10 саммитов. Последующие именуются «саммитами Тюркского совета» или саммитами ССТГ. Их нумерация начинается с первого саммита ССТГ после встречи в Нахичевани.

³ Рафиков К. Быть ли Соединенным Штатам Евразии? Размышления узбекского политолога

Выводы диссертационного исследования А. В. Чеснокова тоже свидетельствуют о том, что уже к середине 1990-х годов в странах ЦА политические партии, разделявшие идеологию пантюркизма, были либо сильно ослаблены, либо разгромлены местными властями. Политические элиты тюркоязычных государств ЦА, не отвергая полностью пантюркизм, в реальной политике прагматично стремились к экономическому и культурному сближению. Кроме того, отказываясь вступать в союзнические отношения между собой на этнической основе, они сделали выбор в пользу развития национальных культур. При этом, отмечал автор, «растущий национализм выступал губительным фактором для пантюркизма, так как стремление к общетюркскому единению уступало место стремлению к возвеличиванию собственных наций и укреплению национальной государственности» [19, с. 17–21].

С приходом к власти в ТР в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) — умеренно исламской, консервативной партии — произошла диверсификация евразийской политики Турции. Она перешагнула региональный уровень ЦА и преимущественно сосредоточилась (особенно после событий «арабской весны») на проблематике Ближнего Востока и Африканского континента [21, с. 68–72]. Одновременно Р. Т. Эрдоган демонстрировал свой приоритет — добиться посредством переговоров вхождения Турции в состав Евросоюза. Более того, считает П. В. Шлыков, пытаюсь вернуть в политику «политико-идеологические смыслы», Эрдоган вкладывал в них не пантюркистские идеи предыдущего периода, а «реминисценции „османского геополитического пространства“». При этом идеология не вытеснила геоэкономический прагматизм конца 1990-х гг. и нацеленность на максимизацию своих экономических интересов» [21, с. 72]. В результате отказа Турции от идеологии кемализма в пользу неосманизма и трансформации внешней политики в направлении повышения уровня своей субъектности в мировой политике [10, с. 3–28] произошло ослабление экспансионистской составляющей пантюркистского проекта. Поскольку, отмечал директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана А. А. Казанцев, в этот период Турция стала уделять меньше внимания сотрудничеству со странами ЦА, «острота ее противостояния с Россией в ЦА существенно спала» [12, с. 305].

Вместе с тем Анкара не отказалась от политики дальнейшего сближения тюркоязычных стран. Поощряя их к участию в общих структурах, культивируя «ценности тюркизма», она содействовала не только усилению духовного единства тюрков и формированию у них чувства общей этнической идентичности, но и большей политической консолидации и институализации «тюркского мира». Несмотря на отдельные проявления пантюркистской направленности в целом идеологического экспансионизма с турецкой стороны поубавилось. Турецким властям, отмечал В. А. Аватков, приходилось считаться «с нежеланием тюркских народов бывшего СССР быть младшими братьями, но и с теми широкими связями, которые существуют у среднеазиатских и кавказских республик с Россией» [3, с. 139].

Соглашаясь с тем, что нехватка ресурсов помешала Турции реализовать в ЦА свои амбиционные планы, включая создание общего рынка и принятие турецкой лиры в качестве общей официальной валюты, тем не менее, глава Национальной разведывательной организации (с мая 2010 г.) Турции Хакан Фидан указывал на медленное изживание в общественном сознании своей страны пантюркистского стереотипа о том, что все тюркские народы говорят на разных диалектах турецкого языка и, следовательно, являются этническими турками. Вплоть до середины

га о региональной интеграции // Коммерсант. 2021. 9 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4663087> (дата обращения: 26.02.2022).

2000-х годов, по его словам, термины «казахские турки» и «узбекские турки» использовались в научных и официальных публикациях, а языковой и этнический факторы определяли специфику ее внешнеполитического дискурса. В связи с этим автор настаивал на полном отказе турецкой внешней политики от «этнических коннотаций» и призывал к сотрудничеству со странами региона на рациональной основе «функционалистских подходов» путем активизации технического, экономического и культурного сотрудничества [23, с. 116, 117, 121].

В условиях становления многополярного мира после кризиса 2008–2009 гг., а также в связи с осознанием Турцией невозможности стать полноправным членом Евросоюза [20, с. 53–65] ее внешняя политика в ЦА демонстрировала еще большую уступчивость и готовность к коллективному взаимодействию. Турецкие политологи М.Э. Чаман и М.А. Акюрт признавали необходимость перехода Турции к новой культурной политике, которая не навязывала бы тюркским народам «строгую идентичность», а воспринимала их такими, какие они есть. Они также предлагали интегрировать Россию в этот процесс, например, путем поощрения изучения русского языка, межвузовских отношений и программ обмена студентами на уровне среднего образования [24, с. 60].

В дальнейшем МИД ТР стал определять официальные внешнеполитические приоритеты в ЦА в парадигме политического реализма:

- содействие стабильному развитию и демократизации путем развития двусторонних и многосторонних отношений, несмотря на разворот политического вектора развития ТР в последние годы «в сторону утверждения авторитарной формы правления» [15, с. 47];
- повышение эффективности деятельности многосторонних форматов (ССТГ, ТЮРКСОЙ, ТИКА и др.);
- расширение сотрудничества со странами региона через такие механизмы, как экономические комиссии и советы по стратегическому сотрудничеству высокого уровня;
- содействие экономическому развитию стран региона путем привлечения инвестиций, участия в реализации экономических проектов и активизации взаимной торговли [25, с. 85].¹

Отмечая изменения в политике Турции, пакистанский политолог Зишан Фида констатировал, что в последние годы Турция стремилась выстраивать отношения со странами региона на прагматичном подходе, а не на идеях пантюркизма. В политическом плане Анкара придерживалась принципа нейтралитета. Одновременно она расширяла торговлю и активизировала свое участие в различных экономических проектах в области строительства, транспорта и гостиничного бизнеса. В культурной сфере Турция сделала выбор в пользу взаимодействия и больше не стремилась навязать свои культурные ценности тюркоязычным партнерам [22, с. 123].

Ответственным шагом в совместной политике тюркоязычных стран стало оформление в 2008 г. Парламентской Ассамблеи тюркоязычных стран (TÜRKPA), нацеленной на формирование механизма межпарламентских отношений между тюркоязычными странами, сближение их политических позиций, обмен информацией, пропаганду тюркской культуры, расширение экономических связей, реализацию совместных проектов, поиск решений общих проблем тюркского мира. Еще одним проявлением отказа Турции от гегемонии в отношениях с тюркоязычными партнерами стало открытие 25 мая 2010 г. в Астане Тюркской академии, получившей в 2014 г. международный статус. Сегодня «Международная Тюркская академия»

¹ Отношения Турции с республиками Центральной Азии // МИД ТР [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa (дата обращения: 26.02.2022).

занимается развитием научной и образовательной деятельности научных ассоциаций тюркских народов, а также координацией и содействием научным исследованиям об истории тюркского мира.

Согласно экспертной оценке С. А. Васильевой, одной из главных причин провала изначальной политики Анкары на постсоветском пространстве «стало нежелание новых независимых государств отказываться от только что приобретенного суверенитета и переходить из-под опеки одного „старшего брата“ (России) к другому (Турции)» [7, с. 77]. Аналогичные выводы содержатся в диссертационном исследовании Ф. Л. Гумарова, который отмечал в турецкой центральноазиатской политике XXI в. преодоление «чрезмерной амбициозности» и проявлений пантюркизма, характерных для 1990-х годов в интересах укрепления отношений со странами региона на основе «прагматизма и добрососедства», сближения с Россией и ЕАЭС [9, с. 12]. Фактически произошел отказ Турции от пропаганды своего регионального лидерства в пользу прагматичной стратегии, поскольку, как справедливо утверждает З. Фида, любая гегемонистская политика в ЦА обречена на провал, во-первых, по причине ее неприятия государствами региона, и, во-вторых, из-за позиции России, не приемлющей доминирования в ЦА какой-либо вне региональной державы [22, с. 122].

Действительно, в XXI в. центральноазиатские партнеры Турции все чаще примеряли на себя роль равноправных участников «пантюркистского» процесса. В частности, К. Рафиков называл безосновательными подозрения о том, что переход государств ЦА на латинский алфавит был навязан им турецкой стороной. Подчеркивая суверенитет РУ в вопросах внешней политики, он утверждал, что в его стране избегали говорить о «Великом Туране» и уж тем более не мечтали о «турецком старшем брате». Вместе с тем, признавая определенную обоснованность опасений РФ по поводу устремлений Анкары к созданию геополитических конфигураций в составе исключительно тюркских государств, этот автор обвинял российские СМИ в злонамеренном муссировании вопроса о «пантюркизме» и «Великом Туране» якобы с целью поссорить Ташкент со своим естественным союзником в лице Анкары¹.

Безусловно, эта позиция стран ЦА сказалась на результатах региональной политики Турции. Известно, что наибольших успехов в этом отношении Турция добилась на пути сближения с Азербайджаном. В других случаях ее достижения в экономической, политической и культурной экспансии были не так очевидны. Прежде всего, по причине изоляционистских настроений в Узбекистане и Туркмении. Еще в 2013 г. турецкий политолог Керим Хас отмечал, что «без серьезных изменений внешнеполитического курса» этих стран не было возможности создать «эффективное политическое объединение между Турцией и странами ЦА» [17, с. 6]. Спустя годы об этом же говорил обозреватель иранского издания Javan Сейид Ниматулла Абдрахим-заде. Он констатировал, что влияние Анкары в ЦА распространилось, главным образом, на Республику Казахстан (РК) и Киргизскую Республику (КР). С Узбекистаном и Туркменистаном этого не произошло, так как Ташкент «сам претендовал на роль лидера региона и потому был не слишком доволен „чрезмерным покровительством“ Анкары, поскольку рассматривал ее в качестве конкурента», а Ашхабад в основу своей внешней политики положил принципы нейтралитета и неприсоединения².

Определенную альтернативу объединению тюркских государств представляют проекты регионального взаимодействия на более широкой основе. Так, Москва

¹ Рафиков К. Быть ли Соединенным Штатам Евразии?

² Абдрахим-заде С. Н. Москва опасается неоосманизма Анкары // Javan, Иран. 2021. 26 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210726/250188549.html> (дата обращения: 26.02.2022).

намерена развивать сотрудничество с регионом ЦА в формате «ЦА + 1». На этой платформе 15 октября 2020 г. впервые прошло совещание глав МИДов России и пяти государств региона¹. Комментируя данное событие, заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований при президенте Казахстана Санат Кушкумбаев называл формат «ЦА + 1» продуктивным, поскольку к тому времени был накоплен опыт взаимодействия на этой основе стран региона с Японией, Южной Кореей, КНР и США². В декабре 2021 г. Бишкек предложил сформировать платформу для кооперативного взаимодействия между пятью странами Центральной Азии и тремя странами Южного Кавказа в трех сферах: политико-дипломатической, экономической и культурно-гуманитарной. К настоящему времени инициатива Киргизии по платформе «5 + 3» получила поддержку со стороны Азербайджана³.

Следует сказать и о том, что не все результаты «пантюркистской деятельности» в ЦА получили одобрение нынешнего руководства ТР. Определенные сомнения в правильности образовательной и культурной политики проявились еще на рубеже веков в связи с отъездом Фетхуллага Гулена в США в марте 1999 г. В октябре следующего года он оказался фигурантом заочного судебного разбирательства и ему грозило до 10 лет тюремного заключения за посягательство на основы конституционного строя Турции. В обвинительном заключении приводились факты о намерении Гулена «при участии хорошо подготовленных и обученных в принадлежащих ему школах, интернатах и на курсах кадров... отвергнуть принципы Ата-тюрка и ликвидировать светскую республику, чтобы создать государство, опирающееся на шариат». Особо отмечались попытки проникновения сторонников Гулена в турецкие вооруженные силы, органы безопасности, государственного управления и образования⁴. Спустя годы, в ночь с 15 на 16 июля 2016 г., в Турции группа военных совершила попытку военного переворота. Утром 16 июля мятежники начали сдаваться. Власти Турции заявили, что попытка путча провалилась, и обвинили в организации мятежа оппозиционного исламского проповедника Ф. Гулена, проживавшего в США.

В Турции не оставили без внимания, что в результате деятельности прогюленовских педагогов в элиты республик ЦА проникло множество его сторонников, и это противоречило интересам Анкары. Так, в РК выпускники турецких школ успешно работали практически во всех государственных структурах. Летом 2016 г. посол Турции в КР Метин Кылыч насчитал в стране пребывания порядка 3000 сторонников Гулена, занимавших государственные, административные и общественные должности. Не случайно, бывший в то время президентом Кыргызстана Алмазбек Атамбаев (2011–2017) отказался осудить Гулена, как организатора переворота, чем вызвал сильное раздражение у Р.Т. Эрдогана⁵. Действующий президент страны

¹ Рафиков К. Быть ли Соединенным Штатам Евразии?

² Кушкумбаев С. Военный договор России и Казахстана стал ответом на новые угрозы — замдиректора КИСИ // «Евразия. Эксперт». 2020. 25 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/voennyu-dogovor-rossii-i-kazakhstan-stal-otvetom-na-novye-ugrozy/> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Странам Средней Азии и Закавказья предложили встречаться без России // Лента.ру. 2021. 21 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/21/5and3/> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Образовательная империя Фетхуллага Гулена. Через восемь лет дело закрыли в связи с отсутствием состава преступления.

⁵ Образовательная империя Фетхуллага Гулена; Тусупбеков А. Кыргызско-турецкий дипломатический скандал: Кыргызстан между гюленистами и Эрдоганом // ИАЦ. 2019. 30 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/alibek-tusupbekov/kyrgyzsko-turetskiy-diplomaticheskiy-skandal-kyrgyzstan-mezhdu-gyulenistami-i-erdoganom/> (дата обращения: 26.02.2022).

Садыр Жапаров исправил ситуацию во время официального трехдневного визита в Турцию, который завершился 11 июня 2021 г. По итогам его переговоров с турецким лидером было принято совместное заявление с признанием, что организация общественного деятеля Ф. Гюлена «Хизмет» (FETO) представляла угрозу обоим странам¹.

Отмечая результативность киргизско-турецкого гуманитарного сотрудничества, председатель кабинета министров КР Улукбек Марипов 10 сентября 2021 г. заявил о том, что за годы независимости под эгидой ТИКА более 10 тыс. киргизских студентов прошли обучение в турецких университетах. Более того, по его словам, со второй половины 1990-х годов тысячи граждан КР «получили качественное образование в Кыргызско-Турецком университете „Манас“ [14], в одном из ведущих университетов страны». Вместе с тем он даже не упомянул о деятельности лицеев «Сапат» (ранее «Себат») и других учебных заведений, появившихся благодаря соратникам Ф. Гюлена, зато поставил в заслугу правительству С. Жапарова открытие в Бишкеке образовательного комплекса турецкого государственного фонда «Маариф», представляющего собой альтернативу организации «Хизмет»².

По заключению руководителя отдела Казахстана и Средней Азии Института стран СНГ А.В. Грозина, региональные элиты первого и второго эшелонов не собирались отказываться от пророссийской ориентации. Для основной массы населения пантюркистские устремления были не очень понятны, да и строить Великий Туран никто не собирался: «Никто не хочет становиться младшим братом Анкары, которая вместо денег говорит о единстве культуры и рассказывает про Османскую империю»³. Такого же мнения придерживается и азербайджанский политолог Ильгар Велизаде, который, отмечая самодостаточность тюркских стран, подчеркивает их стремление к «равным и партнерским отношениям». Понимая это, Турция больше не стремится «быть лидером тюркского мира»⁴. В свою очередь, руководитель Центра европейских и американских исследований Международного научного комплекса «Астана» М. Т. Лаумулин отмечает, что во внешней политике руководство Турции стало отказываться от проводимой ранее «риторики о протекторате мусульманского населения в различных регионах мира и политики „неосоциализма“». Очевидным становится его курс «на углубление связей с евразийскими странами»⁵.

На первый взгляд, к концу 2010-х годов культурный фактор пантюркизма, «подмяв» под себя политический, во многом стал определять политику Турции в ЦА [16, с. 7, 8, 16], выступать «идеологической основой» для продвижения турецких интересов в сфере культуры и усиления через это геополитического влияния и международного статуса Анкары [6, с. 68]. Следует согласиться с В. А. Аватковым в том, что, делая ставку на применение «мягкой силы», Турция и сегодня продолжает

¹ Панфилова В. Анкара становится для Бишкека альтернативой Москве // Независимая газета. 2021. 10 июня // https://www.ng.ru/cis/2021-06-10/5_8171_kyrgyzstan.html (дата обращения: 26.02.2022).

² Сулайманова М. 10-е заседание Межправкомиссии КР и Турции прошло успешно — Марипов // Кабар. 2021. 10 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://kabar.kg/news/10-e-zasedanie-mezhpravkomissii-kr-i-turtcii-proshlo-uspeshno-maripov/> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Аксенов С. Чем России грозит создаваемый Анкарой «Союз тюркских государств»? // Свободная пресса. 2021. 30 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/308399/> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Гусейнов А. Возможен ли переход от Тюркского совета к Тюркскому союзу? Взгляд из Баку // EurAsiaDaily. 2021. 24 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/24/vozmozhen-li-perehod-ot-tyurkskogo-soveta-k-tyurkskomu-soyuzu-vzglyad-iz-baku> (дата обращения: 26.02.2022).

⁵ Лаумулин М. Т. Место и роль Турции в современном мире // Международный научный комплекс «Астана». 2019. 15 сентября [Электронный ресурс]. URL: <http://isca.kz/ru/analytics-ru/3478> (дата обращения: 26.02.2022).

инвестировать в культуру, образование, науку, религию, медицину, спорт тюркоязычных государств. При этом она действует через туркоцентричные интеграционные платформы, объединяющие государственные и частные структуры, уделяя первоочередное внимание работе с молодежью и рассчитывая на приход во власть возвращенных таким образом протурецких симпатизантов [2, с. 168–173].

Отмечая силу культурно-языкового влияния Турции в ЦА, руководитель сектора ЦА Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН Д. Б. Малышева вместе с тем отмечает, что оно в немалой степени определялось «государственной политикой» правящих элит стран ЦА, которые в своем стремлении дистанцироваться от России оказывали поддержку турецким инициативам [15, с. 48]. Одновременно, как нам представляется, имело место принципиальное изменение в содержании общего «тюркского дела». Оно все больше определялось не задачами турецкого регионального экспансионизма, а интересами самих стран ЦА, которые постепенно приходили к пониманию необходимости солидарных усилий тюркских народов во имя общей цели. Сегодня пантюркизм все чаще ассоциируется с коллективным творчеством тюркских народов, соучаствующих в формировании позитивных образов общей истории, этногенеза, развития языка, достижений материальной и духовной культуры.

Признавая серьезные успехи стран региона ЦА и Турции в развитии общей культуры, важно отметить, что политическая составляющая их совместной деятельности проявилась не менее отчетливо. Речь идет о принципиально новом пантюркизме, который все чаще проявляется в общих и солидарных политических устремлениях тюркоязычных государств. Исходя из национальных интересов, они стремятся укрепить свои позиции в региональной и мировой политике посредством выработки общих взаимовыгодных правовых и институциональных механизмов и форматов сотрудничества. Подтверждением основательности такого утверждения служит вовлечение Узбекистана и даже Туркмении в процесс строительства общего тюркского дома. В этой связи возникает необходимость внесения изменений в саму трактовку пантюркизма, который, по сути, становится олицетворением не столько турецкой, сколько общей политики тюркоязычных стран.

Справедливо отмечая постепенное снижение региональной роли Анкары с середины 1990-х годов, Керим Хас вместе с тем почему-то решил, что в 2000-е годы она отказалась от идеи «тюркского мира» из-за ее неосуществимости и перешла к решению практических вопросов двусторонних и многосторонних отношений со странами региона [18, с. 14–15, 20, 21]. Однако это положение противоречит современной политической практике со стороны как Турции, так и стран ЦА, озабоченных поиском жизнеспособных форм и механизмов сближения тюркоязычных стран.

Во-первых, Турция все еще привержена идее своего лидерства в «тюркском мире». Более того, В. А. Аватков утверждает, что с избранием Р. Т. Эрдогана президентом Турции в 2014 г. «в официальном политическом дискурсе стало укрепляться словосочетание „тюркский мир“, в рамках которого Турция рассматривалась и продолжает рассматриваться в качестве лидера и идейного вдохновителя общетюркских инициатив и институтов. При этом в текущий период времени мысли о „тюркском мире“ — особой туркоцентричной подсистеме международных отношений — звучат не только от вышестоящих властных элит, но и распространяются на региональном уровне» [1, с. 546–547]. Находя такой образ Турции не в полной мере соответствующим реальности, вместе с тем следует признать, что этой стране все еще удастся посредством культурной политики обеспечивать себе определенные политические преимущества в процессе политической интеграции тюркоязычных стран. И в этом смысле исторический пантюркизм, хотя и сильно обветшалый, по-прежнему выступает фактором реальной политической жизни.

Во-вторых, выразителем общих настроений и политическим организатором тюркоязычных стран ЦА после 2009 г. выступал Тюркский совет, отвечавший за раз-

вите всестороннего сотрудничества своих членов, от согласования позиций по различным вопросам международной жизни и обеспечения региональной безопасности до разработки образовательных и культурных программ, а также укрепления экономического сотрудничества. При этом важно подчеркнуть, что идеологической основой деятельности ССТГ в последние годы был не исторический пантюркизм и даже не пантюркизм, «значительно переработанный соратником Эрдогана Ахмедом Давутоглу», как это представляет историк А. Ю. Чернов¹, а новый «коллективный пантюркизм».

В результате совместных усилий Казахстана, Азербайджана, Киргизии и Турции в мае 2019 г. появилась Тюркская торгово-промышленная палата — инструмент в руках ССТГ, призванный активизировать региональную торговлю. В том же году полноправным членом Тюркского совета стал Узбекистан. В апреле 2020 г. состоялся его внеочередной саммит, на котором президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев сравнил ССТГ с полноценной многосторонней платформой, укрепляющей благодаря совместным усилиям свой международный авторитет и влияние².

В полной мере «коллективный пантюркизм» проявился на неофициальном саммите Тюркского совета в марте 2021 г., участники которого одобрили его преобразование из неформального объединения в полноценную организацию — «Союз тюркских государств». В своем выступлении на встрече К.-Ж. Токаев призвал к модернизации тюркской цивилизации и созданию общего культурно-просветительского пространства. Обращаясь ко всем присутствующим, экс-глава РК Нурсултан Назарбаев заявил: «...мы можем многому научиться друг у друга. Использование латинского алфавита дает нам общую систему, благодаря которой мы получаем возможность содействовать развитию нашей молодежи на глобальном уровне. Нам важно развиваться сообща». Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев и вовсе объявил о новом этапе в истории тюркских народов, их готовности сообща преодолевать невзгоды и двигаться по пути политической интеграции³.

Участники встречи объявили город Туркестан одной из духовных столиц «тюркского мира» и достигли договоренности о присвоении в будущем такого же статуса другим историческим городам. В принятой декларации подчеркивалась важность экономических условий для того, чтобы у Тюркского совета появились возможности для постановки более амбициозных и достижимых целей, реализации стратегически важных региональных проектов в том числе в сферах транспорта, таможни, энергетики, инфраструктуры и эффективного их претворения в жизнь. 12 ноября 2021 г. ССТГ был преобразован в Организацию Тюркских государств (ОТГ). Туркменистан вошел в ее состав на правах страны наблюдателя. Состоялись решения о завершении учреждения Тюркского инвестиционного фонда ОТГ и «Видения Тюркского мира-2040».

Следовательно, политико-идеологическая составляющая продолжающегося сбли-

¹ Чернов А. Ю. Новый проект пантюркизма: провал или модернизация? // ИАЦ. 2020. 18 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-chernov/novyy-proekt-pantjurkizma-proval-ili-modernizatsiya/> (дата обращения: 26.02.2022).

² Токаев принял участие во внеочередном заседании Совета сотрудничества тюркоязычных государств // NUR.KZ. 2020. 10 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/1850141-tokaev-prinal-ucastie-vo-vneocerednom-zasedanii-soveta-sotrudnichestva-turkoazychnyh-gosudarstv/> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Елбасы высказался о важности латиницы для тюркоязычных государств // BaigeNews. 2021. 31 марта [Электронный ресурс]. URL: https://baigenews.kz/news/elbasy_vyskazalsya_o_vazhnosti_latinitisy_dlya_tyurkoyazychnykh_gosudarstv/ (дата обращения: 26.02.2022); Кулагин В. «Великие тюрки»: как Турция объединяет Среднюю Азию // Газета.ru. 2021. 1 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/01_a_13543670.shtml (дата обращения: 26.02.2022).

жения тюркоязычных стран не растворилась в культурно-образовательной среде. В то же время в ней мало что напоминало о нетерпимости, напористости и цепкой хватке прежней турецкой политики. Политический проект пантюркизма перестал быть исключительно турецким делом и превратился в «коллективный пантюркизм».

Сегодня его олицетворением служит ОТГ, в которой Турция не занимает выраженной лидерской позиции. Более того, сама Организация не является турецким проектом. Ошибкой было бы видеть в ней какой-то «новый этап турецкой экспансии и попытку перехода в субрегиональные державы»¹. ОТГ представляет собой совместное детище тюркоязычных стран, и, возможно, ей уготовлена роль связующего звена в евразийской интеграции и даже инструмента вовлечения Турции в ЕАЭС. Генеральный секретарь ОТГ Багдад Амреев признает, что ему ничего не известно о вмешательстве узбеков, казахов или турок во «внутренние дела других тюркских государств. Здесь нет попыток распространения своего влияния, навязывания своих ценностей, преследования своих корыстных интересов под каким-либо предлогом... В ОТГ полностью отсутствует гегемония той или иной страны, претензии друг к другу и намерений вмешиваться во внутренние дела друг друга. Наоборот, суверенитет каждого государства неоспорим и свят для всех стран Организации»².

Если и приходится говорить о конфликте интересов внутри ОТГ, то в фокусе обсуждения СМИ чаще других оказываются две страны ЦА — Казахстан и Узбекистан. Несмотря на подписанную между ними в Нур-Султане 6 декабря 2021 г. Декларацию о союзнических отношениях³, Нур-Султан и Ташкент, скорее всего, продолжают привлекать внимание аналитиков, как потенциальные конкуренты по широкому кругу вопросов региональной повестки⁴. Впрочем, в экспертном сообществе преобладают суждения, исключающие перспективу соперничества этих стран за региональное лидерство⁵. В любом случае, в деятельности ОТГ появилось деликатное и хлопотное направление.

¹ Стрельцов С. Анкара готовится объявить о создании «Союза тюркских государств» // Комсомольская правда. 2021. 29 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/28323.5/4466687> (дата обращения: 26.02.2022).

² Багдад Амреев: «Все тюркские страны впервые объединились в рамках одной организации» // Кабар. 2021. 2 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://kabar.kg/news/bagdad-amreev-vse-tiurkskie-strany-vpervye-ob-edinilis-v-ramkakh-odnoi-organizatsii/> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Зорлу К. Важнейшее соглашение о союзничестве у подножия гор Тянь-Шаня... // Habertürk, Турция. 2021. 8 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20211208/251080499.html> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Эксперт: Казахстан намерен не допустить Узбекистан к лидерству в регионе // ИА REGNUM. 2021. 8 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/3445588.html> (дата обращения: 26.02.2022); Сокирко В. Танки и истребители Шойгу помогут Назарбаеву в споре с узбеками за лидерство в Средней Азии // Свободная пресса. 2021. 23 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/320089/> (дата обращения: 26.02.2022).

⁵ Соперничество Астаны и Ташкента — миф, выгодный Западу и России // ForbesKazakhstan. 2015. 5 сентября [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/finances/integration/sopernichestvo_astanyi_i_tashkenta_za_liderstvo_v_tsa_mif_vygodnyiy_zapadu_i_rossii (дата обращения: 26.02.2022); Гвалия С. «Никакого братства народов нет» — эксперты порассуждали о конкуренции между Казахстаном и Узбекистаном // Караван: медиапортал. 2018. 22 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caravan.kz/news/nikakogo-bratstva-narodov-net-ehksperty-porassuzhdali-o-konkurencii-mezhdu-kazakhstanom-i-uzbekistanom-490622/> (дата обращения: 26.02.2022); Борисов Д. Ташкент и Нур-Султан — конкуренты ли в Центральной Азии? // ИАЦ. 2021. 5 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/denis-borisov-/tashkent-i-nur-sultan-konkurenty-li-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 26.02.2022); Арешев А. Узбекистан — Казахстан: на пути к Союзному государству? // Военно-политическая аналитика. 2021. 19 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://cont.ws/@vpoanalytics/2162537> (дата обращения: 26.02.2022).

В свете изложенного вызывает вопросы концепция «неопантюркизма», недавно изложенная в обобщающей статье В. А. Аваткова на страницах научного журнала «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право». Во-первых, автор оставил без внимания результаты новейших исследований, характеризующих внешнюю политику Турции в XXI в. Во-вторых, невозможно согласиться с тем его утверждением, что «неопантюркизм», под которым он понимает объединение тюркских народов под эгидой ТР, по-прежнему является ключевой на постсоветском направлении идеологемой внешней политики Турции. В-третьих, авторский термин «эпоха туркоцентричной интеграции» представляется бессодержательным, а его хронологические рамки — 2014–2021 гг. — надуманными. В-четвертых, вывод о позиционировании Турции в роли центра «тюркского мира» бездоказателен, как, впрочем, и утверждение о том, что Турция, реализуя «общетюркскую интеграционную модель», стремится размыть культурные коды своих тюркоязычных партнеров, подчинить их собственной логике развития и заставить признать «главенство турецкого над тюркским» [2, с. 167–170].

По-другому представлены региональные амбиции Турции в обобщающем исследовании международного авторского коллектива в составе Али Эмре Суджу, Косимшо Искандарова, Рустама Махмудова и Д. Н. Чернова. Во-первых, авторы достаточно скромно оценили военные и политические итоги многолетних усилий ТР. По их мнению, из-за нехватки материальных ресурсов ее участие в структуре регионального баланса сил сильно уступает влиянию РФ и КНР. Во-вторых, признавая, что в течение последнего 10-летия Турция в соответствии с идеологемой «тюркского мира» стала уделять больше внимания институционализации двусторонних и многосторонних отношений со странами региона, авторы констатируют отсутствие в ее внешнеполитической стратегии долгосрочного регионального проекта. В-третьих, авторы достаточно осторожно отразили современную роль и перспективы Тюркского совета, как наиболее успешного турецкого интеграционного проекта. Признавая его достаточно эффективным инструментом развития отношений Анкары с тюркоязычными государствами ЦА, прежде всего в культурной и образовательной сферах, они всего лишь зарезервировали за ним в перспективе возможность проявить себя в качестве «мягкой альтернативы» Москве и Пекину [25, с. 82–94]. Подчеркивая роль партнеров Турции по региональной интеграции, МИД ТР констатирует: «Тюркский совет продолжает свою деятельность во всех областях и на всех уровнях при тесном сотрудничестве стран-членов»¹.

Как бы то ни было даже ослабленный пантюркизм провоцирует агрессию у многих российских политологов и публицистов. Они продолжают нагнетать, по словам П. Э. Акопова, панические настроения: «турки наступают, в том числе и в зоне наших национальных интересов, а мы ничего не можем противопоставить, уступаем и отступаем! Турки в выигрыше, а мы в проигрыше!»². В этой связи заслуживает внимания положение кандидатской диссертации Ф. Л. Гумарова о том, что в русскоязычной литературе по-прежнему широко распространены и культивируются одиозные трактовки понятия «пантюркизм», направленные на запугивание российского обывателя турецкой угрозой [9, с. 6–7]³. Яркий пример такого рода — статья армянского политолога Сергея Шакарянца «Сегодняшняя Турция — это не неоосманизм, а пантюркизм» (2020), в которой проводится неконструктивная мысль

¹ Отношения Турции с республиками Центральной Азии.

² Акопов П. Зачем Путин и Эрдоган нужны друг другу.

³ Так, московский политолог А. А. Сваранц определяет пантюркизм как «расистскую национал-шовинистическую, фашистскую идеологию, политическое содержание которой имеет агрессивный, экспансионистский характер» (Сваранц А. Основные положения пантюркизма // Правовой портал: Библиотека Пашкова. 2017. 24 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=12196>) (дата обращения: 26.02.2022).

о человеконенавистнической и преступной сущности пантюркизма как идеологической основе современной политики Турции¹.

При этом российские ученые, как правило, обнаруживают в региональной политике Анкары угрозу целостности России, а для тюркских государств Кавказа и Центральной Азии — угрозу их суверенитету [7, с. 78; 16, с. 5; 4, с. 5–10]. Так, говоря о вызовах национальной безопасности России со стороны проекта «Великого Турана» — создания «единого государства, в которое в будущем должны войти территории и население всех тюркских народов Закавказья, Средней Азии, Поволжья, Крыма, Северного Кавказа и Сибири», заместитель генерального секретаря Совета МПА СНГ В. Г. Когут и профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета Г. Н. Нурышев допускают в перспективе прямое поглощение суверенных тюркских государств. Демонизируя турецкую угрозу и заявляя о начале реализации Турцией «своего геополитического курса в качестве ведущего центра сборки новой геополитической конструкции взаимодействия всех евразийских государств, альтернативной российскому евразийскому проекту», они также утверждают, что «Турция собирается строить „Великий Туран“ в контексте пантюркизма и неоосманизма по Бжезинскому — „за счет России, и на обломках России“» [13, с. 105–106, 110].

При этом отдельные заявления турецких представителей подпитывают критической настрой российских ученых и публицистов. Так, преподаватель Отделения современных тюркских языков и литературы Университета Памуккале, профессор, доктор Бильге Озкан Налбант фактически признает, что культурная политика Анкары в тюркоязычных странах определяется ее своекорыстными интересами и предусматривает преодоление российского исторического влияния. «Тюркский мир, — отмечает она, — при переходе на латиницу должен избавить себя от большого количества букв, затрудняющего понимание. В процессе перехода на латинский алфавит тюркские республики пытаются ввести в систему письма множество букв, отражающих особенности их языков. Это негласно поддерживается в том числе российской политикой и ее сторонниками, что усложняет ситуацию. Тюркский мир не должен попадаться на эту удочку, и следует максимально придерживаться 29-буквенной системы письма, принятой Турцией... Еще один аспект опасности — вопрос о создании новых систем книгоиздательства в результате попадания в письменные системы тюркских республик слишком большого количества разных графем, не соответствующих фонетической системе турецкого языка»².

Незадолго до создания ОТГ в российских СМИ оживилась критика «Великого Турана». В частности, эксперт Института национальной стратегии Р. Р. Сулейманов разглядел в данном проекте намерение Анкары «переориентировать республики бывшего СССР на себя», укрепить свои позиции «в странах сферы российских интересов», а также субъектах РФ «с компактным проживанием тюркских народов»³. Конкретизируя данный подход, директор Центра геополитических исследований Института инновационного развития Д. Н. Родионов приписал Татарстану сомнительную славу давнего «форпоста турецких интересов в России»⁴. Реагируя на

¹ Шакарянц С. Сегодняшняя Турция — это не неоосманизм, а пантюркизм // ИА REGNUM. 2020. 20 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/3068261.html> (дата обращения: 26.02.2022).

² Синан М. А. «Алфавитный» хаос, поджидающий тюркский мир // Türkiye, Турция. 2021. 4 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/social/20210304/249253895.html> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Аксенов С. Чем России грозит создаваемый Анкарой «Союз тюркских государств»?

⁴ Родионов Д. Казанский кремль вновь готовится к осаде: вспомним 1552 год? // EurAsiaDaily. 2021. 14 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/14/kazanskiy-kremli-vnov-gotovitsya-k-osade-vspomnim-1552-god> (дата обращения: 26.02.2022).

визиты министра обороны Турции Хулуси Акара летом 2021 г. в Киргизию, а затем в Таджикистан, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН В. А. Надеин-Раевский сравнил это событие с очередной попыткой вывести страны ОДКБ из-под влияния России¹.

Напротив, невысоко оценивая совокупную мощь Турции, А. В. Грозин называет ее страной с неясными перспективами. По его словам, в ресурсном отношении она уступает России и многим другим субъектам региональной политики, а в международной политике склонна проявлять авантюризм и действовать на пределе возможностей. Вместе с тем сильной стороной политики Турции автор признает ее «мягкую силу», посредством которой через культурные и научные программы, стажировки, обучение в турецких образовательных учреждениях Анкара зачастую добивается переориентации местных элит. Поэтому, не переоценивая угрозу проекта «Великого Турана», он совершенно справедливо призывает без «особого алармизма» сосредоточиться на преодолении отставания от Турции в деле культурного проникновения в страны ЦА². В унисон с ним заместитель директора Института Востоковедения РАН А. Ю. Скаков говорит об отсутствии у Турции «потенциала для каких-либо действий... в российских регионах»³.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. *Аватков В. А.* Популизм во внешней политике Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 543–554.
2. *Аватков В. А.* Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 162–176.
3. *Аватков В.* Роль Турции на постсоветском пространстве // Россия и мусульманский мир. 2010. № 11. С. 134–147.
4. *Аватков В. А., Бадранов А. Ш.* «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 5–10.
5. *Бдоян Д. Г.* Трансформация российско-турецких отношений в условиях борьбы Турции за региональное лидерство: 2002–2017 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15 М., 2017. 30 с.
6. *Бурашникова А. Б.* Неопантюризм и неосоциализм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. новая серия. серия: история. международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 65–69.
7. *Васильева С. А.* Пантюризм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 75–78.
8. *Васильева С. А.* Роль идеологии пантюризма в политических процессах Республиканской Турции : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Екатеринбург, 2012. 22 с.
9. *Гумаров Ф. Л.* Внешнеполитические связи Турецкой Республики с тюркоязычными государствами Центральной Азии — членами ЕАЭС: 1991–2015 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Казань, 2017. 26 с.
10. *Зубкова А. И.* Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002–2014 гг. : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 31 с.
11. *Иванова И. И.* Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня. 2019. № 7. С. 39–47.

¹ *Кулагин В.* «Выбить из-под влияния России»: как Турция укрепляет позиции в Центральной Азии // Газета.ru. 2021. 5 июля [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/07/05_a_13703324.shtml (дата обращения: 26.02.2022).

² *Аксенов С.* Чем России грозит создаваемый Анкарой «Союз тюркских государств»?

³ Активизация Турции в российских регионах маловероятна — мнение // ИА REGNUM. 2021. 14 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3370116.html> (дата обращения: 26.02.2022).

12. Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М. : МГИМО ; МИД РФ, 2008. 382 с.
13. Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Карабахский узел геополитических противоречий на Южном Кавказе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 104–111.
14. Кудаяров К. А. Политика Турции в образовательной сфере Киргизии // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 2 (2). С. 82–90.
15. Малышева Д. Б. Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3 (36). С. 46–58.
16. Терехов Р. С. Влияние идеологии пантюркизма на внешнюю политику Османской империи и Турецкой Республики в XX веке : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2011. 30 с.
17. Хас К. Особенности внешней политики Турции в Центральной Азии // Научно-информационный журнал «Армия и общество». 2013. № 3 (35). С. 16–20.
18. Хас К. Внешняя политика Турецкой Республики и Российской Федерации в Центральной Азии: сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2016. 25 с.
19. Чесноков А. В. Пантюркизм в общественно-политической жизни Азербайджана и тюркоязычных стран Центральной Азии: 90-е годы XX — начало XXI в. : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Иваново, 2005. 21 с.
20. Шлыков П. В. Турция и ЕС: политика Анкары накануне миграционного кризиса // Современная Европа. 2016. № 3 (69). С. 53–65.
21. Шлыков П. В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 58–76.
22. Fida Z. Central Asia's Place in Turkey's Foreign Policy // Policy Perspectives. 2018. Vol. 15. N 1. P. 113–125.
23. Fidan H. Turkish Foreign Policy towards Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. Vol. 12. N 1. P. 109–121.
24. Çaman M. E., Akyur M. A. Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy // Alternatives: Alternatives Turkish Journal of International Relations. 2011. Vol. 10. N 2–3. P. 45–64.
25. Sucu A. E., Iskandarov Q. I., Mahmudov R. B., Chernov D. N. Does Turkey have a Central Asian Project? // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (3). С. 82–96.

Об авторе:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; mshumilov@mail.ru

References

1. Avatkov V. A. Populism in the foreign policy of the Republic of Turkey // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2021. Vol. 21. N 3. P. 543–554 (in Rus).
2. Avatkov V. A. Post-Soviet space and Turkey: results of 30 years // Contours of global transformations: politics, economy, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2021. Vol. 14. N 5. P. 162–176 (in Rus).
3. Avatkov V. The role of Turkey in the post-Soviet space // Russia and the Muslim world [Rossiya i musul'manskii mir]. 2010. N 11. P. 134–147 (in Rus).
4. Avatkov V. A., Badranov A. S. "Soft power" of Turkey in the domestic policy of Russia // Law and management. XXI century [Pravo i upravlenie. XXI vek. 2013. N 2 (27). P. 5–10 (in Rus).
5. Bdoyan D. G. Transformation of Russian-Turkish relations in the context of Turkey's struggle for regional leadership: 2002–2017: dissertation abstract. 30 p. (in Rus).
6. Burashnikova A. B. Neopanturkism and Neo-Osmanism in Turkish Foreign Policy // Izvestia of Saratov University. New series. Series: history. International relations [Izvestiya Saratovskogo universiteta. novaya seriya. seriya: istoriya. mezhdunarodnye otnosheniya]. 2013. Vol. 13. N 2. P. 65–69 (in Rus).
7. Vasilyeva S. A. Panturkism at the modern stage: theoretical basis and practical activity // Society and power [Sotsium i vlast']. 2011. N 3 (31). P. 75–78 (in Rus).

8. Vasilyeva S. A. The role of the ideology of pan-Turkism in the political processes of Republican Turkey: dissertation abstract. Yekaterinburg, 2012. 22 p. (in Rus).
9. Gumarov F. L. Foreign policy relations of the Republic of Turkey with the Turkic-speaking states of Central Asia — members of the EAEU: 1991–2015: dissertation abstract. Kazan, 2017. 26 p. (in Rus).
10. Zubkova A. I. Soft power strategy in the context of the transformation of the political system of the Republic of Turkey in the period 2002–2014: dissertation abstract. M., 2015. 31 p. (in Rus)
11. Ivanova I. I. Turkey in Central Asia: partner or rival? // Asia and Africa today [Aziya i Afrika segodnya]. 2019. N 7. P. 39–47 (in Rus).
12. Kazantsev A. A. “Big Game” with unknown rules: world politics and Central Asia. M.: MGIMO; Russian Foreign Ministry, 2008. 382 p. (in Rus)
13. Kogut V. G., Nuryshv G. N. Karabakh node of geopolitical contradictions in the South Caucasus // Eurasian integration: economy, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. N 1. P. 104–111 (in Rus).
14. Kudayarov K. A. Policy of Turkey in the educational sphere of Kyrgyzstan // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Political Science. History. International relations [Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2012. N 2 (2). P. 82–90 (in Rus).
15. Malysheva D. B. International-political interaction of the states of Central Asia with Turkey and Iran // Russia and new states of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2017. N 3 (36). P. 46–58 (in Rus).
16. Terekhov R. S. The influence of the ideology of pan-Turkism on the foreign policy of the Ottoman Empire and the Republic of Turkey in the 20th century: dissertation abstract. Nizhny Novgorod, 2011. 30 p. (in Rus).
17. Khas K. Features of Turkey’s foreign policy in Central Asia // Scientific Information Journal “Army and Society” [Nauchno-informatsionnyi zhurnal «Armiya i obshchestvo»]. 2013. N 3 (35). P. 16–20 (in Rus).
18. Khas K. Foreign Policy of the Republic of Turkey and the Russian Federation in Central Asia: Comparative Analysis: dissertation abstract. M., 2016. 25 p. (in Rus).
19. Chesnokov A. V. Panturkism in the socio-political life of Azerbaijan and the Turkic-speaking countries of Central Asia: 90s of the XX — beginning of the XXI century: dissertation abstract. Ivanovo, 2005. 21 p. (in Rus).
20. Shlykov P. V. Turkey and the EU: Ankara’s policy on the eve of the migration crisis // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2016. N 3 (69). P. 53–65 (in Rus).
21. Shlykov P. V. Eurasia and Eurasian integration in the political ideology and practice of Turkey // Comparative policy [Sravnitel’naya politika]. 2017. N 1. P. 58–76 (in Rus).
22. Fida Z. Central Asia’s Place in Turkey’s Foreign Policy // Policy Perspectives. 2018. Vol. 15. N 1. P. 113–125.
23. Fidan H. Turkish Foreign Policy towards Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. Vol. 12. N 1. P. 109–121.
24. Çaman M. E., Akyur M. A. Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy // Alternatives: Alternatives Turkish Journal of International Relations. 2011. Vol. 10. N 2–3. P. 45–64.
25. Sucu A. E., Iskandarov Q. I., Mahmudov R. B., Chernov D. N. Does Turkey have a Central Asian Project? // MGIMO Review of International Relations. 2021. N 14 (3). P. 82–96.

About the author:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); mshumilov@mail.ru